

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. Е. В. Иванова
г. Москва, Россия

МОДЕРНИЗМ, СИМВОЛИЗМ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX В.

Работа выполнена по гранту РФФИ 17-04-00073-ОГН «Литературный процесс первой половины XX века в Европе и Америке: Направления и школы»

Аннотация: В статье прослеживается перестройка литературного процесса конца XIX – начала XX вв., связанная с зарождением модернизма. Разделение по политическому признаку на либералов и консерваторов сменяется объединением на эстетической основе. Первым течением модернизма стал русский символизм, который в 1890-е гг. возник в виде трех самостоятельных группировок, поначалу никак не связанных и даже враждебно настроенных по отношению друг к другу. Враждебность, с которой встретили символизм господствующие литературные силы, заставила ранних символистов эволюционировать навстречу друг другу и в начале 1900-х гг. сначала объединиться на страницах альманаха «Северные цветы», затем на страницах первого символистского журнала «Новый путь». Этот был журнал нового типа, ориентированный на формат западных “revues”. Руководители журнала ставили во главу угла не политические убеждения, а личную оригинальность, что открывало путь на его страницы широкому кругу сторонников нового искусства. Тесный союз символистов с современным искусством — живописью, прикладным искусством, музыкой и театром сделал символизм главным направлением модернизма, благодаря которому первые десятилетия XX в. принято называть Серебряным веком русской культуры.

Ключевые слова: модернизм, символизм, старшие и младшие символисты, журнал «Новый путь», периодика символизма, литература Серебряного века.

Информация об авторе: Евгения Викторовна Иванова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: evi@l-z.ru

Дата отправки статьи: 24.03.2019

Дата публикации: 28.12.2019

Для цитирования: Иванова Е. В. Модернизм, символизм и возникновение литературных направлений в русской литературе XX в. // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 226–241.

Литературные объединения, которые можно назвать аналогом *направлений* и *течений* в западноевропейской культуре, в русской литературе сложились достаточно

поздно, на рубеже XIX и XX в. Ранее, начиная с 60-х гг. XIX в. русская литературно-общественная жизнь делилась по общественно-политическому признаку на два враждующих лагеря: либеральный (или прогрессивный) и консервативный (или реакционный). Основной формой объединения внутри этих лагерей были так называемые «толстые журналы», на страницах которых происходили общественные дискуссии и собеседования. В статье «Судьба толстого журнала» Л. Троцкий назвал журналы «лабораториями, в которых вырабатывались идейные течения; отсюда они получали свое общественное движение» [34, с. 300].

Толстый журнал был прежде всего общественно-политическим ежемесячником, либеральные и консервативные издания имели одинаковую структуру, различаясь лишь общественной позицией. Господствующее положение в тех и других занимали разделы, материалы которых так или иначе касались жизни общества, они наиболее полно отражали общественное «лицо» журнала; здесь публиковались обзоры столичной и провинциальной печати, статьи по общественно-экономическим проблемам, обзоры политической жизни за рубежом.

Вторую по значению позицию занимал раздел критики, в либеральных журналах он составлялся в духе традиций Белинского, Добролюбова и Чернышевского, уделяя внимание прежде всего общественному звучанию литературы. На последнем месте по значению находился беллетристический отдел, литературные достоинства помещаемых здесь произведений, как правило, мало интересовали руководителей журнала, предпочтение отдавалось популярным писателями, которые «вывозили» подписку, охотно печаталась переводная беллетристика, обеспечивавшая читателям интересное чтение. Поэзия в рамках журнала играла совсем второстепенную роль, П. П. Перцов вспоминал, что в народническом журнале «Русское Богатство» стихи печатались «на затычку», когда цензура что-то вычеркивала и оставались чистые листы [26, с. 90, 238–239], стихотворение могли забраковать как «легковесное», если оно не обладало необходимой «идейностью».

Главная черта изданий той эпохи заключалась во внутреннем единстве их содержания, о котором писал Л. Троцкий: «Когда мы говорим о “толстом журнале” как об общественно-литературном типе, — то имеем всегда в виду не просто периодически выходящие книжки, в которых критики критикуют, поэты слагают рифмованные строки, профессора рассказывают о новых течениях в естествознании, — нет, мы имеем в виду журнал как некий духовный фокус известной общественной группировки, как некий киот завета, словом, *наш русский толстый журнал*» [34, с. 301].

Подобное отношение к журналу выразил В. Г. Короленко в некрологе Н. К. Михайловскому: «Русский ежемесячник не просто сборник статей, не складочное место, иной раз совершенно противоположных мнений, не обозрение во французском смысле. К какому бы направлению он не принадлежал, — он стремится дать некоторое единое целое, отражающее единую систему воззрений, единую и стройную» [12, с. V].

Каждый толстый журнал имел идейного лидера, вкусы которого в конечном счете определяли общественное лицо журнала и состав писателей и поэтов, которые допускались на его страницы. В результате при журналах складывался более или менее постоянный круг авторов, переход из одного издания в другое, даже при их одинаковой ориентации, не поощрялся, поскольку это размывало границы существующих лагерей.

Появление направлений в европейском понимании этого слова в русской литературе произошло на рубеже XIX и XX вв., и связано это было с зарождением модернизма, если понимать этот термин широко, как совокупность художественных течений

и группировок, выступивших на рубеже XIX и XX вв. с идеей создания нового искусства, с новым представлением о сущности и задачах литературы.

Главным достижением русской литературы второй половины XIX в., принесший ей мировую славу, был реализм, искусство миметическое по своей природе. Мимесис — подражание природе, реальности, со времен Аристотеля был объявлен основной задачей литературы; эволюция приемов отражения реальности в западноевропейской литературе подробно прослежена в книге Э. Ауэрбаха «Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе» [1]. Русская литература не была включена в исследование Ауэрбаха, но ее развитие вплоть до XX в. протекало по тем же законам; русский классический реализм стал высшей точкой развития и завершением миметического периода развития. При этом реализм не был литературными направлением, объединенным какими-либо творческими декларациями или эстетическими установками, хотя все крупнейшие русские писатели — Достоевский, Толстой, Чехов, Короленко были художниками-реалистами. Реализм был совокупностью творческих методов, писателей объединяла задача отражения реальности при большом разнообразии творческих ее решений. С точки зрения мимесиса реалистами можно назвать и бытописание в духе «натуральной школы», и «реализм в высшем смысле» Достоевского, и обличительный реализм Толстого («срывание всех и всяческих масок»), и реализм Чехова, и реализм русских натуралистов, последователей Э. Золя.

Модернизм, пришедший на смену реализму, выдвинул во главу угла построение новых отношений литературы и реальности, создание искусства антимиметического, не подражающего реальности, а существующего независимо от нее [11; 39]. Новое отношение к реальности провозглашалось уже в декларациях символистов, первого направления, сформировавшегося внутри модернизма. Этот новый, антимиметический взгляд на природу и назначение искусства выразил В. Брюсов в статье «Ключи тайн», открывавшей первый номер символистского журнала «Весы»: «Нельзя в угоду знанию и науке видеть в искусстве только отражение жизни. <...> Искусство никогда не воспроизводило, а всегда преображало действительность: даже на картинах да-Винчи, даже у самых ярких реалистов-писателей, вроде Бальзака, нашего Гоголя, Золя. Нет искусства, которое повторяло бы действительность» [5, с. 91]. К этой мысли Брюсов возвращался неоднократно, в статье «Карл V. Диалог о реализме в искусстве» (1906) он писал: «Поэт, просто воспроизводящий действительность — раб ее; поэт-символист осмысливает действительность. Реалисты не более как наблюдатели, что-то вроде фотографических аппаратов. Символисты — всегда мыслители, истолкователи жизни. Реалисты в своих произведениях оставляют вас, как и в жизни, лицом к лицу с природой. Символисты ставят между вами и природой посредствующее звено: тайну своего творчества» [5, с. 185–186].

Подобные суждения мы находим и у А. Белого: «Поскольку действительность для художника-символиста не совпадает с осязаемой видимостью явлений, входя, как часть, в видимость, постольку проповедь символизма всегда начиналась с протеста против отживших и узких догматов реализма в искусстве» [3, с. 215].

Все литературные течения и группировки, связанные с модернизмом, от символизма до футуризма отказывались считать реальность предметом искусства, провозглашая его задачей поиск новых форм и нового стиля. По мнению С. С. Хоружего, определяющими чертами модернизма является «безграничная вера в стиль, культ стиля, мистика и мифология стиля» [36, с. 54].

Новое понимание задач искусства коренным образом изменило самое существо

литературы, в ней произошла смена «смысловых пластов», изменение «системы поэтологических констант», означающие, по терминологии А. В. Михайлова, наступление новой литературной эпохи [21, с. 331–332], в нашем случае — эпохи модернизма.

Литература XIX в., связанная с реализмом, отличается от литературы XX в., испытавшей сильнейшее воздействие модернизма, не только по смысловому и идейному наполнению, но и с точки зрения системы поэтологических констант, с точки зрения поэтики. Отличия выявились не сразу, между литературой XIX и XX вв. пролегал период, в течение которого происходила переоценка системы ценностей, подспудное созревание новых литературных явлений, черты которых еще не были выявлены со всей определенностью. Этот период приходится на 1890-е гг., которые, пользуясь терминологией А. В. Михайлова, следует называть *переходной эпохой*, эпохой становления новых явлений и постепенного вытеснения старых. Господство мистики и мифологии стиля начнется уже в XX в., в конце XIX в., в 1890-е гг. эти тенденции только зарождались, борьба реализма и модернизма только начиналась.

Первые объединения, не связанные с «толстыми журналами», но при этом не нарушавшие существующие каноны, стали возникать в конце 1880-х гг., это были литературные салоны. В отличие от светских салонов пушкинской эпохи, салоны 1890-х гг. носили характер собраний, на которых писатели и поэты читали свои произведения. Особенно важную роль играли в 1890-е гг. литературные салоны Петербурга, среди которых заслуживают упоминания Пятницы Полонского, многолюдные собрания на квартире поэта Я. П. Полонского, продолжавшиеся вплоть до его кончины в 1898 г. [38, с. 170–171], традицию этих собраний продолжили Пятницы поэта К. Случевского [38, с. 217–218]. Салоны были первыми объединениями литераторов, по «профессиональному», если можно так выразиться, признаку. Но салоны в силу разносторонности их посетителей не создавали необходимых условий для объединения по сугубо литературным, эстетическим принципам, они не смогли стать интеграторами, вокруг которых могли бы возникнуть подобные объединения.

Первым салоном, связанным с идеями нового искусства, были журфиксы «для своих», собиравшиеся с начала 1890-х гг. на квартире Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус в Доме Мурузи на Литейном проспекте [38, с. 118–119], в который, помимо хозяев, входили поэты Н. Минский, Ф. Сологуб и К. Бальмонт, посетителем журфиксов был также критик Аким Волынский; именно они и сформируют то ядро, круг поэтов, которым предстояло сыграть определяющую роль в рождении первого в русской литературе направления, в дальнейшем получившего название «символизм». Журфиксы Мережковских не имели размаха, свойственного Пятницам Полонского, но их значение в историко-литературной перспективе оказалось весьма существенным.

Об атмосфере журфиксов на квартире Мережковских критик Аким Волынский вспоминал: «Тут собирались все начинающие таланты, все, что имелось свежего в писательской среде. Сама Гиппиус, со своими причудами женщины-ребенка, с длинными золотистыми волосами, расчесанными в две косы, вся гибкая и русалочная, при исключительной интеллигентности, вносила в салон струйку пряминой оживленности. <...> За чайным столом у Мережковских развевывалась беседа о любви и жалости, о символизме и — больше всего, горячее всего — о том, что искусство должно быть оторвано от политики»¹.

Содержание этих дискуссий намечало темы, которые в дальнейшем посетители

¹ Волынский А. Антон Павлович Чехов // РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 3.

журфиксов у Мережковских будут пропагандировать на страницах журнала «Северный вестник», когда Вольнский станет его ведущим критиком. Наиболее важная из них — отрыв от политики, от традиций гражданской поэзии станет — в дальнейшем одним из главных пунктов их программы.

Манифестом, впервые заявившим о возникновении в России новой литературы, стала лекция Д. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской поэзии», прочитанная в 1892 и изданная отдельной книгой в 1893 г. [17].

Первая часть лекции, прочитанная 8 декабря 1893 г., судя по описанию хроникера, была посвящена «упадку современной литературы», Мережковский «начал свою лекцию с засвидетельствования розни в русской литературе», «нравы рецензентов и критиков — нравы людоедов» и т. д. [27].

Мережковский подверг резкой критике тот тип объединения, который сформировали толстые журналы: «Бок о бок, в одном городе, среди тех же внешних условий, с почти одинаковым кругом читателей, каждая литературная группа живет особой жизнью, как будто на отдельном острове. Есть остров гражданский, Некрасова и “Отечественных записок”. От него отделен непроходимыми безднами, яростными литературными пучинами поэтический остров независимых эстетиков — Майкова, Фета, Полонского. Между островами — из рода в род — вражда убийственная, доходящая до кровомщения». [18, с. 525]. Отсутствие в России писательских объединений препятствовало формированию литературной среды: «<...> терпимой и всепримиряющей среды, того культурного воздуха, где противоположные оригинальные темпераменты, соприкасаясь, усиливают друг друга и возбуждают к деятельности» [18, с. 525]. Вне этого невозможно и формирование стимулирующей творчество литературной атмосферы, которая необходима, «чтобы глубочайшие стороны гения могли вполне проявиться» [18, с. 524]. Одинокое положение писателя и объясняет его стремление прибегнуть к тому или иному журналу: «<...> они должны собираться в журналы, в караваны и путешествовать вместе» [18, с. 530].

Эта первая часть лекции Мережковского вызвала живейший отклик у критиков всех направлений, из которых отметим важнейшие. От имени либерального лагеря критик А. Скабичевский назвал Мережковского «изменником родной русской литературы», толкающим ее на путь, который ведет «к смерти целого поколения» [28, с. 285]. Другие критики этого направления обрушили на Мережковского град насмешек за слова о «бездне», на краю которой якобы находится народническая литература [28, с. 285]. Лидер народнического лагеря Н. К. Михайловский подробно объяснил, что мистическое мировоззрение, которое отстаивает Мережковский, есть философская реакция на позитивизм, и литературная — на натурализм, что оно есть порождение «боязни жизни» [22, с. 24].

Более сочувственный отклик лекция получила в консервативном лагере, поскольку в ней содержались выпады против позитивизма, которому противопоставлялся нарождающийся «художественный идеализм». Критик газеты «Московские ведомости» Ю. Николаев [Ю. Н. Говоруха-Отрок] увидел в лекции «поворот нашей “интеллигенции” на дорогу, совершенно противоположную той, по которой она до сих пор шла» [24, с. 2.].

Присутствовавший на лекции Мережковского критик Н. Н. Страхов в письме к А. Фету о лекции отозвался доброжелательно, хотя и не без скепсиса: «Слушал я сперва с негодованием, которое всегда у меня возбуждается напыщенностью и фразерством.

Но юный и маленький поэт сам так увлекся, что под конец ему дружно хлопали — и сам я принялся хлопать, хоть и чувствовал, что все ужасная фальшь» [35, с. 546]. Страхов в большей степени обратил внимание на программу «будущей литературы» и изложил ее Фету в том же письме.

Вторая часть лекции, где Мережковский говорил о «новых течениях современной русской литературы», оказалась куда менее понятной современникам, да и Мережковский о рождении новых течений говорил здесь очень осторожно, называя их то «новые созидательные силы», то «новое литературное течение», избегая конкретных определений: «Я даже не знаю, можно ли назвать эту потребность литературным течением. Это, скорее, только первая подземная струйка вешней воды, слабая и жизненная» [18, с. 535]. Среди историков литературы укоренилось убеждение, что под новыми течениями Мережковский в своей лекции подразумевал символизм. Между тем приметы нового искусства Мережковский находил в творчестве писателей и поэтов уже известных, таких как Достоевский, Гончаров, Чехов, Гаршин, Фофанов и др., и при этом ни одного из тех, кого объединяли его журфиксы, он не назвал, упоминания удостоился лишь критик Аким Волинский, отзыв о котором был весьма негативным: «...поражает убийственной сухостью и бесплодием его художественное понимание» [18, с. 534].

Мережковский назвал в лекции «три главных элемента нового искусства: *мистическое содержание, символы* и расширение художественной впечатлительности» [18, с. 538]. Но образцы *нового искусства* он видел в западноевропейской литературе: романе Флобера «Мадам Бовари», драме Ибсена «Нора», он ссылаясь и на так называемые «вечные образы» — Дон-Кихота, Гамлета и Фальстафа. В 1892 г. вышел сборник стихов Мережковского «Символы. Песни и поэмы», о заглавии которого он не без гордости вспоминал в «Автобиографической заметке»: «Кажется, я раньше всех в русской литературе употребил это слово» [30, с. 277]. Но употребляя слово *символ* в своей лекции, Мережковский подразумевал нечто отличное от того, что будут понимать под этим словом Вяч. Иванов, Александр Блок и Андрей Белый, символ в понимании Мережковского гораздо более похож на известную по гражданской поэзии аллегорию, служанку «эзопова языка» политических намеков. Мережковский лишь освободил аллегорию от обязательного идейного подтекста: «Символизм делает самый стиль, самое художественное вещество поэзии одухотворенным, прозрачным, насквозь просвечивающим, как тонкие стенки алебастровой амфоры, в которой зажжено пламя» [30, с. 538]. Валерий Брюсов тогда же отметил, что Мережковский «смешивает символизм с произведениями аллегорического характера» [6, с. 174]. Назвав *символ* в качестве одной из примет нового искусства, Мережковский скорее угадал эту главную черту будущего символизма.

Гораздо более важным пунктом программы нового искусства для самого Мережковского было упоминание *мистического содержания*, примерно тогда же в журнале «Труд» он опубликовал статью «Мистическое движение нашего века», где говорил о возникновении «научного мистицизма», который не разрушает, а «освобождает мистическое чувство, религиозное поклонение» от всех стеснительных метафизических форм» [18, с. 38]. По мысли Мережковского, «наше время должно определить двумя противоположными чертами — это время самого крайнего *материализма* и вместе с тем страстных *идеальных* порывов духа [19, с. 536].

Последний пункт программы нового искусства — «расширение художественной впечатлительности», Мережковский пояснил как «неоткрытые миры впечатлительности», «французские критики более или менее удачно назвали э т у ч е р т у *импресси-*

онизмом» [Мережковский, 1995, с. 538]. В поисках единомышленников в европейском искусстве для этого пункта своей программы Мережковский остановил свой выбор на французском импрессионизме.

В своей лекции Мережковский нашел нужным заступиться за молодых поэтов Франции, в том числе за Поля Верлена, о которых с пренебрежением отозвался Эмиль Золя [19, 536], это дало основание критику Н. К. Михайловскому озаглавить свою статью о лекции Мережковского «Русское отражение французского символизма» [22]. Но творчество Мережковского никаким отражением французского символизма не было. Единственное, в чем нельзя отказать лекции Мережковского, — в некотором провидческом значении: все перечисленные им черты нового искусства и в самом деле будут характерны для символизма в зрелый период его существования, именно поэтому в исторической перспективе его лекция и стала восприниматься как декларация символизма. Фактически же она возвещала более широкое явление — наступление новой литературной эпохи, эпохи *модернизма*. Символизм стал первым направлением этой новой литературной эпохи, но эпоха модернизма тогда только начиналась, за символизмом последовали акмеизм, футуризм, эгофутуризм и др. направления, которые так или иначе были связаны с идеей создания нового искусства.

Формирование символизма в 1890-е гг. завершилось в начале 1900-х гг., когда символистам удалось организовать собственные издательские центры, журналы и альманахи, обеспечивавшие ему самостоятельное существование в литературном процессе.

В истории символизма принято различать два литературных поколения: *старших символистов* или *декадентов* и *младших символистов* или *соловьевцев*. Поначалу под влиянием книги австрийского психиатра Макса Нордау «Вырождение» (нем. «Entartung», 1892) старших символистов называли «декадентами», желая этим подчеркнуть упадочнические настроения, свойственные первым произведениям старших символистов, возникших под влиянием философии Ницше и Шопенгауэра. Сами они в 1890-е гг. также разделяли декадентство и символизм, например, З. Н. Гиппиус писала: «Символизм, прежде всего, диаметрально противоположен декадентству <...>. Декадентство <...> — лишь неумелый, ранний, болезненный протест против слишком упорного материалистического и натуралистического настроения в искусстве» [6, с. 250]. Такое же различие проводил и Н. Минский: «Ложный символизм декаданса привел к сатанизму черных месс, изображенных Гюисмансом, и к холодным парадоксам Оскара Уайльда, истинный символизм, в лице Ибсена и Метерлинка, пришел к тому же, к чему приходили все идеалисты всех времен, — к проповеди Любви и Подвига» [20, с. 76]. Однако позднее и сами старшие символисты творческий этап 1890-х г. осознавали как декадентский.

Первое объединение старших символистов возникло вокруг журнала «Северный вестник» благодаря покровительству его ведущего критика и идеолога Акима Волынского, который сыграл значительную роль в истории символизма. В эту группу входили З. Н. Гиппиус, Д. Мережковский, Н. Минский, Ф. Сологуб и К. Бальмонта, их принято называть «поэты “Северного вестника”», наиболее важное значение их творчество имело для идейной переориентации нового течения, протекавшей под знаком радикальной переоценки общественных идеалов поколения 1860-х гг. После закрытия журнала в 1898 г. З. Гиппиус и Д. Мережковский в самом конце XIX в. нашли приют на страницах художественного журнала «*Мир искусства*», где существовал небольшой литературный отдел [7; 10].

Вторая менее известная группировка складывалась вокруг петербургского поэта Александра Добролюбова, издавшего сборник экспериментальных стихов «Natura naturans. Natura naturata» (1895), единственным известным сподвижником которого был поэт Владимир Гиппиус [8]. Третья группировка заявила о себе со страниц трех выпусков альманаха «Русские символисты», издававшегося в Москве в 1894–1895 гг. Валерием Брюсовым, который был и основным автором помещенных здесь переводов французских символистов и стихов, написанных в подражание им [9].

Каждая из группировок складывалась и развивалась в 1890-е гг. вполне самостоятельно, единственной попыткой объединить сторонников нового искусства была предпринята Александром Добролюбовым, задумавшим издание журнала «Горные вершины». Но идея объединения не устроила ни Гиппиус с Мережковским, ни Валерия Брюсова [8, с. 214–219]. Однако враждебность, с которой все три группировки были встречены всеми участниками литературного процесса, писателями и критиками всех журналов, заставляли старших символистов эволюционировать навстречу другу.

Первые шаги к объединению были сделаны уже в начале XX в. на страницах альманаха Валерия Брюсова «Северные цветы», который издавался при издательстве «Скорпион», основанном на деньги мецената С. А. Полякова. В первом выпуске альманаха «Северные цветы на 1901 год» наряду с Брюсовым будут опубликованы произведения А. Добролюбова, З. Гиппиус и К. Бальмонта [33], а во втором выпуске «Северные цветы на 1902 год» еще и Н. Минского и Д. Мережковского [34]. Всего в 1901–1905 г. вышло пять выпусков альманаха, но объединительное значение имели только первые три выпуска. Продолжением альманаха станет главный символистский журнал «Весь», издававшийся с 1904 г.

Важное объединительное значение приобрел основанный по инициативе З. Н. и Д. С. Мережковских, Н. Минского и П. П. Перцова журнал «Новый путь», выходивший в Петербурге в 1903–1904 гг. В манифесте, открывавшем первый номер, П. П. Перцов писал: «Русская журналистика <...> выработала совершенно своеобразный тип ежемесячников — так называемый “толстый” журнал. Тип этот можно назвать вполне “национальным”, ибо он известен только в России. На Западе сильное развитие газетной прессы и общая “дифференцированность” культуры сразу сложили ежемесячные издания в подобие книги. Западный “тонкий” журнал менее предан “текущей действительности”, нежели русский “толстый”, и берет ее явления не столько в политическом, сколько в культурном освещении, — в то же время главное свое содержание почерпая в чисто литературном материале, более или менее устойчивого интереса» [25, с. 7]. «Новый путь» «полностью отказался от «политических обзоров, занимавших непропорционально много места» [25, с. 7], ориентируясь на западноевропейский тип журнала: «Пора перейти от неуклюжей тяжеловесности русских ежемесячников к более эластичной и литературно-выдержанной форме западных “revues”» [25, с. 7]. Журнал нового типа строился на новых по сравнению с «толстым журналом» основаниях: «На первый план в журнале выступит не партийная дисциплина “социальной борьбы”, а безотносительная ценность личной оригинальности» [25, с. 8], «в своем идеале журнал будет иметь не подневольный унисон хорового пения, а естественную солидарность “солистов”» [25, с. 8].

На страницах «Нового пути» воссоединение разных группировок старших символистов продолжилось: помимо Гиппиус, Мережковского и Минского, Ф. Сологуба и К. Бальмонта, здесь печатался Валерий Брюсов, исполнявший даже обязанности секретаря издания на стадии его подготовки. Мережковские в этот момент вступили

в фазу религиозных исканий, в написанном П. П. Перцовым манифесте журнала было сказано: «<...> мы стоим на почве нового религиозного миропонимания. <...> Гоголь, Достоевский, Соловьев — вот наша родословная. Постепенное раскрытие и уяснение новой религиозной мысли в последовательности этих трех имен — вот основание наших надежд, залог нашего будущего» [Перцов, 1903]. По инициативе Мережковских в 1901 г. в Петербурге открылись заседания Религиозно-философских собраний и одной из главных задач журнала «Новый путь» была публикация протоколов Собраний. Руководители «Нового пути» открыли страницы журнала поколению *младших символистов*. Одно из первых выступлений в печати Андрея Белого, опубликованное на страницах журнала «Мир искусства», имело название «Несколько слов декадента, обращенных к либералам и консерваторам», где говорилось: «Мы не хотим брать в руки их жалкие хоругви, так важно именуемые направлениями... Они смотрят на нас, как на диковинных зверей» [2, с. 366].

Первые произведения А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова появились в «Новом пути», причем не только стихи, но и рецензии Блока, программная статья А. Белого «О теургии» (1903, № 9), и большое исследование Вяч. Иванова «Эллинская религия страдающего бога» (1904, № 1–4, 8, 9).

Периодика стала той платформой, которая позволила отдельным группировкам символизма соединиться в *направление*, возникшие вслед за «Новым путем» символистские журналы «Весы», «Искусство», «Золотое руно», «Перевал», «Труды и дни» и «Аполлон», а также издательства «Скорпион», «Гриф», «Орь», «Мусагет» давали символистам возможность независимого существования в литературном процессе. Каждый из журналов развивал собственный круг идей, обогащая символизм и делая его центром, куда стремились все лучшие литературные силы, все новое и талантливое, не находившее поддержки за его пределами. При этом не обходилось без полемик, поскольку объединение происходило на достаточно широкой основе. В этом состояла одна из наиболее плодотворных особенностей, о которой О. Мандельштам сказал: «<...> вся современная русская поэзия вышла из родового символического лона» [16, с. 230]. В зрелый период своего существования символизм был исключительно много-составным, невозможно описать разнообразие тем и идей, которые свободно развивались на его пространствах, но все они так или иначе базировались на новом понимании задач искусства.

Символизм никогда не был и не стремился быть орденом, скованным обязательным для всех уставом, он позволял ужиться разным, иногда взаимоисключающим течениями и индивидуальностями, отсюда проистекает его духовное разнообразие, «цветущая сложность» творческих исканий, если пользоваться термином К. Леонтьева. Эта особенность символизма объясняет как продолжительность его существования в пределах модернизма, так и его главенствующую роль в нем.

По мере укрепления позиций символизма изменялся и перестраивался доминирующий стиль культуры, художественное восприятие и эстетические вкусы целого поколения, итог которого, обнаруживший себя уже в XX в. Называя всех символистов без разбору декадентами, В. В. Розанов так определил их значение: «Декадентство так же общо, универсально, всепроникающе, так же окрашивает все окружающее, все, что может подчинить, — в свой цвет, в свою манеру, как это делали раньше его “народничество” или “нигилизм”. Декадентство — дух, стиль. Посмотрите, сколько домов в Москве построено в “декадентском вкусе”, как, бывало, строились дома “с полотнами” и “петухами” в “народническом стиле”, в 70-е годы! Рисунок входных билетов

в художественный московский театр, обстановка его фойе, как и обложки всех модных книг, все — *décadance* и *décadance*. . . Мне как-то говорил покойный академик А. В. Прахов: “Великую заслугу декадентства составляет то, что оно дало Европе новую линию, новый характер линий, что после антиков и готики казалось невозможным, ибо эти две формы зодчества и вообще искусства казались исчерпавшими все, что возможно, что может нравиться”» [33, с. 176].

Символизм сформировал новый тип художника, первых представителей этого типа с легкой руки Макса Нордау было принято называть декадентами, упадочниками, подчеркивать в них черты дегенеративности. Однако поэт И. Анненский отметил в новом типе художника другие черты: «С каждым днем в искусстве слова все тоньше и все беспощадно-правдивее раскрывается индивидуальность с ее капризными контурами, болезненными возвратами, с ее тайной и трагическим сознанием нашего безнадежного одиночества и эфемерности. <...> Строгая богиня красоты уже не боится наклонять свой розовый факел над уродствами и разложением» [1, с. 206]. Символисты первыми сумели преодолеть это предубеждение, утверждая новый тип художника, человека искусства прежде всего, и то, что раньше называли упадком и вырождением, стало восприниматься как проявление творческой исключительности, утонченности.

Следующее за символизмом поколение модернизма представляли два самостоятельных и разнонаправленных направления — *акмеизм* и *футуризм*, причем футуризм состоял из нескольких самостоятельных литературных группировок, каждая из которых в манифестах выдвигала собственные теоретические установки — эгофутуризм, группы «Центрифуга» и «Мезонин поэзии». Далее шли объединения, больше известные по манифестам: «41⁰», заумники, ничевоки и др. Эти направления иногда называют постсимволизмом, или авангардом, этим обобщающим термином для ряда течений, объединенных идеей радикального преобразования искусства и создания нового языка поэзии, то есть создатели, по слову С. С. Аверинцева, лабораторных моделей поэзии, адресованной узкому кругу единомышленников.

Важной особенностью этих поздних модернистских течений станет их более тесная связь с европейскими течениями, ссылки на европейские аналоги станут почти обязательной для каждого из них. Одновременно будет возрастать значение манифестов и деклараций, с помощью которых заявляли о себе новые группировки модернизма. Составляя в 1923 г. сборник «Литературные манифесты» Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров писали в предисловии: «Всем бросались в глаза быстрая смена и пестрота литературных школ за последние три десятилетия, в которых так трудно было ориентироваться рядовому читателю. Некоторые из этих течений были недолговечны, умерли почти в день своего рождения, но они наполняли шумом литературную жизнь...» [13, с. 9]. Однако литературное значение этих группировок было зачастую незначительным.

Символизм стал главным направлением модернизма, благодаря которому первые два десятилетия XX в. принято называть Серебряным веком русской культуры, который, по справедливому замечанию В. В. Полонского, «во многом переписал историю предшествующей русской и мировой литературы и тем самым вписал себя в историческую перспективу по тем принципам, которые были особо близки культуристам рубежа XIX–XX столетий. Один из важных результатов такого положения вещей состоит в том, что литераторами “серебряного века” оказалось отчасти абсолютизировано не только прошлое, но и будущее — благодаря особому влиянию, которое они оказали на язык историко- и теоретико-литературных построений последующих десятилетий» [29, с. 58].

А. Ахматова, начинавшая свой творческий путь в кругу акмеистов, и ставшая одной из главных персон Серебряного века, этот термин не любила, но признавала очевидную заслугу литературы, которая родилась тогда: «Модернисты великое дело сделали для России. Этого нельзя забывать. Они сдали страну совсем в другом виде, чем приняли. Они снова научили людей любить стихи, самая культура издания повысилась» [37, с. 183]. Символизм Ахматова назвала «последним великим направлением в поэзии» [23, с. 284], отмечая огромные заслуги Серебряного века перед русской культурой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Анненский И.* О формах фантастического у Гоголя // Книги отражений / изд. подгот. Н. Т. Ашинбаева, И. И. Подольская, А. В. Федоров. М.: Наука, 1979. С. 207–215.
- 2 *Ауэрбах Э.* Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе / пер. Ал. В. Михайлова, предисл. Г. М. Фридлендера. М.: Прогресс, 1976. 556 с.
- 3 *Белый А.* Несколько слов декадента, обращенных к литералам и консерваторам (1903) // Литературные манифесты и декларации русского модернизма. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. С. 365–368.
- 4 *Белый А.* Арабески: Книга статей. М.: Мусагет, 1911. 505 с.
- 5 *Блок А.* Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 7: Автобиография 1915. Дневники 1901–1921. 544 с.
- 6 *Брюсов В.* Среди стихов. 1894–1924. Манифесты. Статья. Рецензии. М.: Сов. писатель, 1990. 720 с.
- 7 *Денисов Л.* [Гиппиус З. Н.]. Письмо в редакцию // Северный вестник. 1896. № 12. С. 64–65.
- 8 *Иванова Е. В.* Самоопределение раннего символизма // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX – начала XX в. / отв. ред. Б. А. Бялик. М.: Наука, 1975. С. 171–186.
- 9 *Иванова Е. В.* “Северный вестник” // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. Буржуазные и модернистские издания. М.: Наука, 1982. С. 91–128.
- 10 *Иванова Е. В.* Александр Добролюбов — загадка своего времени. Статья первая. Приложение: Ранние редакции стихотворений А. Добролюбова. П. В. Я. Брюсов. Рецензия на книгу А. Добролюбова «Natura naturans. Natura naturata» // Новое литературное обозрение. № 27 (1997). С. 191–236.
- 11 *Иванова Е. В., Щербаков Р. Л.* Альманах В. Я. Брюсова «Русские символисты»: судьба участников // Русский символизм в литературном контексте рубежа XIX–XX вв. Блоковский сборник XV. Тарту: Tartu University Press, 2000. С. 33–75.
- 12 *Иванова Е. В.* Манифест журнал «Северный вестник» и символисты // Новые гуманитарные исследования 2018. № 1 URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2007/> (дата обращения: 02.10.2019).
- 13 *Клюге Р. Д.* О русском авангарде, философии Ницше и социалистическом реализме / Беседу вела Евг. Иванова // Вопросы литературы. 1990. № 9. С. 64–77.
- 14 *Короленко В. Г.* Н. К. Михайловский. Некролог // Русское богатство. 1904. № 2. С. 3–4.

- 15 Литературные манифесты: От символизма до «Октября» / сост. Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров. М.: Аграф, 2001. 384 с.
- 16 Литературные манифесты и декларации русского модернизма. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. 952 с.
- 17 *Максимов Д. Е.* Журналы раннего символизма // *В. Евгеньев-Максимов и Д. Максимов.* Из прошлого русской журналистики: Статьи и материалы. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. С. 83–128.
- 18 *Мандельштам О. Э.* Выпад // *Мандельштам О. Э.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Терра, 1991. Т. 2. С. 228–232.
- 19 *Мережковский Д.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб.: Типо-лит. Б. М. Вольфа, 1893. 192 с.
- 20 *Мережковский Д.* Мистическое движение нашего века // Труд. 1893. № 4. С. 33–40.
- 21 *Мережковский Д.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. С. 522–560.
- 22 *Минский Н.* Предисловие <к пьесам М. Метерлинка> // Северный вестник. 1897. № 1. С. 76–78.
- 23 *Михайлов А. В.* Статьи по теории литературы. М.: Изд-во Дмитрия Сечина, 2017. 496 с.
- 24 *Михайловский Н. К.* Русское отражение французского символизма // Русское богатство. 1893. № 2. С. 182–204.
- 25 *Найман А.* Рассказы о Анне Ахматовой // Души высокая свобода. М.: Прозаик, 2016. С. 256–505.
- 26 *Ю. Николаев [Ю. Н. Говоруха-Отрок].* Жизнь и теоретики // Московские ведомости. 1893. 29 апреля. С. 3.
- 27 <Перцов П.> «Новый путь» // Новый путь. 1903. № 1. С. 5–7.
- 28 *Перцов П. П.* Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. / вступит. ст., сост., подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М.: НЛЮ, 2002. 496 с.
- 29 *Петербуржец [Лялин В. С].* Маленькая хроника // Новое время. 1892. № 6029. 9 декабря. С. 8.
- 30 *Петрова М. Г.* Летопись литературных событий 1892–1900 гг. // Русская литература конца XIX – начала XX в.: Девяностые годы. М.: Наука, 1968. С. 261–478.
- 31 *Полонский В. В.* Проблема построения истории русской литературы рубежа XIX–XX столетий // Разрыв и связь времен: Проблемы изучения литературы рубежа XIX–XX веков. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 54–63.
- 32 Русская литература XX века (1890–1910) / под ред. проф. С. А. Венгерова. В 2 кн. М.: Издат. дом «XXI век — Согласие», 2000. Кн. I. 512 с.
- 33 Северные цветы на 1901 год. М.: Скорпион, 1901. 202 с.
- 34 Северные цветы на 1902 год. М.: Скорпион, 1902. 252 с.
- 35 *Розанов В. В.* Критик русского *décadanc'e* (1909) // Между классиками и современниками: Статьи о литературе / сост., подгот. текста и коммент. В. Г. Сукача // Вопросы литературы. 1993. № 2. С. 171–226.
- 36 *Троцкий Л.* Судьба толстого журнала // Литература и революция. М.: Политиздат, 1991. 400 с.
- 37 А. А. Фет и его литературное окружение. Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 103. Кн. 2. 1039 с.

- 38 Хоружий С. С. «Улисс» в русском зеркале. СПб.: Азбука, 2015. 380 с.
- 39 Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. М.: Согласие, 1997. Т. 1. 1938–1941. 542 с.
- 40 Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 448 с.
- 41 Klüge R.-D. Symbolismus und avangarde in der russische literatur // Obdobje simbolisma v slovenskem jeziku, kujizevnosti in kulturi (tipološka problematika ob jugoslovanskem in širšem evropskem kontekstu). Prvi del Mednarodni simpozij v Ljubljani od 1. Do 4. julija 1982. Ljubljana, b.i., 1982. S. 229–238.

© 2019. Evgenia V. Ivanova
Moscow, Russia

MODERNISM, SYMBOLISM AND THE EMERGENCE
OF LITERARY SCHOOLS
IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE 20TH C.

Acknowledgements: The research is carried out with support of RFBR grant 17-04-00073–OGN “Literary development in the first half of the 20th century in Europe and America: directions and schools”.

Abstract: The paper examines the process of reorganization of the literary life at the turn of the 20th century related to the spring of modernism. Political division into liberals and conservatives gives way to the unity on an aesthetic basis. Russian symbolism was the first modernist movement that appeared in the 1890s as three independent groups initially not interrelated and even hostile to each other. The mainstream literature met the symbolism with open hostility which made the early symbolists move towards each other and form a community in the beginning of the 1900s, primarily on the pages of the almanac “The Northern Flowers”, and then in the first symbolist journal “The New Way”. It came to be the journal of a new type, focusing on the Western “revues”. The editors of the journal gave priority to personal originality over political views allowing to welcome a wide circle of the new art followers. The close union between symbolism and the contemporary art — painting, crafts, music and theatre — made symbolism the main branch of modernism thanks to which the first decades of the 20th century is commonly referred to as the Silver age of Russian culture.

Keywords: symbolism, “younger” and “older” symbolists, “Novyj put” (“New Way”), symbolism periodicals, Silver Age literature.

Information about the author: Evgenia V. Ivanova — DSc in Philology, Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: evi@l-z.ru

Received: March 24, 2019

Date of publication: December 28, 2019

For citation: Ivanova E. V. Modernism, symbolism and the emergence of literary schools in the Russian literature of the 20th c. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 54, pp. 226–241. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Annenskii I. O formakh fantasticheskogo u Gogolia [On the forms of the fantastic in Gogol's works]. *Knigi otrazhenii* [Book of reflections], edition prepared by N. T. Ashinbaeva, I. I. Podol'skaia, A. V. Fedorov. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 207–215. (In Russian)
- 2 Auerbakh E. *Mimesis. Izobrazhenie deistvitel'nosti v zapadnoevropeiskoi literature* [Mimesis. The image of reality in Western European literature], translated by Al. V. Mikhailova, foreword by G. M. Fridlendera. Moscow, Progress Publ., 1976. 556 p. (In Russian)
- 3 Belyi A. Neskol'ko slov dekadenta, obrashchennykh k liberalam i konservatoram (1903) [A few words of the decadent, addressed to liberals and conservatives (1903)]. *Literaturnye manifesty i deklaratsii russkogo modernizma* [Literary manifestos and declarations of Russian modernism]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2017, pp. 365–368. (In Russian)
- 4 Belyi A. *Arabeski: Kniga statei* [Arabesques: a book of articles]. Moscow, Musaget Publ., 1911. 505 p. (In Russian)
- 5 Blok A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected works: in 8 vols.] Moscow, Leningrad, GIKhL Publ., 1963. Vol. 7: *Avtobiografiia 1915. Dnevnik 1901–1921* [Autobiography 1915. Diaries 1901–1921]. 544 p. (In Russian)
- 6 Briusov V. *Sredi stikhov. 1894–1924. Manifesty. Stat'ia. Retsenzii* [Among the poems. 1894–1924. Manifestos. Article. Reviews]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 720 p. (In Russian)
- 7 Denisov L. [Gippius Z. N.]. Pis'mo v redaktsiiu [A letter to the editor]. *Severnyi vestnik*, 1896, no 12, pp. 64–65. (In Russian)
- 8 Ivanova E. V. Samoopredelenie rannego simvolizma [Self-determination of the early symbolism]. *Literaturno-esteticheskie kontseptsii v Rossii kontsa XIX – nachala XX v.* [Literary and aesthetic concepts in Russia of the late 19th – early 20th century], responsible edited by B. A. Bialik. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 171–186. (In Russian)
- 9 Ivanova E. V. “Severnyi vestnik” [“Northern Bulletin”]. *Literaturnyi protsess i russkaia zhurnalistika kontsa XIX – nachala XX veka. Burzhuaznye i modernistskie izdaniia* [Literary process and Russian journalism of the late 19th – early 20th century. Bourgeois and modernist editions]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 91–128. (In Russian)
- 10 Ivanova E. V. Aleksandr Dobroliubov — zagadka svoego vremeni. Stat'ia pervaiia. Prilozhenie: Rannie redaktsii stikhotvorenii A. Dobroliubova. II. V. Ia. Briusov. Retsenziiia na knigu A. Dobroliubova “Natura naturans. Natura naturata” [Alexander Dobrolyubov is a mystery of his time. The article first. Appendix: Early editions of poems by A. Dobrolyubov. II. V. Y. Bryusov. Review of the book by A. Dobrolyubov “Natura naturans. Natura naturata”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 27 (1997), pp. 191–236. (In Russian)
- 11 Ivanova E. V, Shcherbakov R. L. Al'manakh V. Ia. Briusova “Russkie simvolisty”: sud'ba uchastnikov [The Brusov almanac “Russian symbolists”: the fate of the parties]. *Russkii simvolizm v literaturnom kontekste rubezha XIX–XX vv. Blokovskii sbornik XV* [The Russian symbolism in the literary context of the turn of 20th century. Blok's collection XV]. Tartu, Tartu University Press Publ., 2000, pp. 33–75. (In Russian)
- 12 Ivanova E. V. Manifest zhurnal “Severnyi vestnik” i simvolisty [Manifesto journal “Northern Bulletin” and symbolists]. *Novye gumanitarnye issledovaniia*, 2018, no 1.

- Available at: <http://www.nrgumis.ru/articles/2007/> (accessed 02 October 2019). (In Russian)
- 13 Kliuge R. D. O russkom avangarde, filosofii Nitsshe i sotsialisticheskom realizme [On the Russian avant-garde, Nietzsche's philosophy and socialist realism], the Conversation was led by Evg. Ivanova. *Voprosy literatury*, 1990, no 9, pp. 64–77. (In Russian)
- 14 Korolenko V. G. N. K. Mikhailovskii. Nekrolog [N. K. Mikhailovsky. Obituary]. *Russkoe bogatstvo*, 1904, no 2, pp. 3–4. (In Russian)
- 15 *Literaturnye manifesty: Ot simvolizma do "Oktiabria"* [Literary manifestos: from symbolism to "October"], compiled by N. L. Brodskii i N. P. Sidorov. Moscow, Agraf Publ., 2001. 384 c. (In Russian)
- 16 *Literaturnye manifesty i deklaratsii russkogo modernizma* [Literary manifestos and declarations of Russian modernism]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2017. 952 p. (In Russian)
- 17 Maksimov D. E. Zhurnaly rannego simvolizma. V. Evgen'ev-Maksimov i D. Maksimov [Journals of early symbolism. V. Evgen'ev-Maksimov i D. Maksimov]. *Iz proshlogo russkoi zhurnalistiki: Stat'i i materialy* [From the past of Russian journalism: Articles and papers]. Leningrad, Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade Publ., 1930, pp. 83–128. (In Russian)
- 18 Mandel'shtam O. E. Vypad [Lunge]. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.] Moscow, Terra Publ., 1991, vol. 2, pp. 228–232. (In Russian)
- 19 Merezhkovskii D. O prichinakh upadka i o novykh techeniakh sovremennoi russkoi literatury [On the causes of decline and new movements in modern Russian literature]. St. Petersburg, Tipo-litografiia B. M. Vol'fa Publ., 1893. 192 p. (In Russian)
- 20 Merezhkovskii D. Misticheskoe dvizhenie nashego veka [Mystical movement of our century]. *Trud*, 1893, no 4, pp. 33–40. (In Russian)
- 21 Merezhkovskii D. O prichinakh upadka i o novykh techeniakh sovremennoi russkoi literatury [On the causes of decline and new trends in modern Russian literature]. *L. Tolstoi i Dostoevskii. Vechnye sputniki* [L. Tolstoy and Dostoevsky. Eternal companions]. Moscow, Respublika Publ., 1995, pp. 522–560. (In Russian)
- 22 Minskii N. Predislovie <k p'esam M. Meterlinka> [Preface <to the plays of M. Maeterlinck>]. *Severnyi vestnik*, 1897, no 1, pp. 76–78. (In Russian)
- 23 Mikhailov A. V. *Stat'i po teorii literatury* [Articles on the theory of literature]. Moscow, Izdatel'stvo Dmitriia Sechina Publ., 2017. 496 p. (In Russian)
- 24 Mikhailovskii N. K. Russkoe otrazhenie frantsuzskogo simvolizma [Russian reflection of French symbolism]. *Russkoe bogatstvo*, 1893, no 2, pp. 182–204. (In Russian)
- 25 Naiman A. Rasskazy o Anne Akhmatovoi [The stories about Anna Akhmatova]. *Dushi vysokaia svoboda* [Soul's high freedom]. Moscow, Prozaik Publ., 2016, pp. 256–505. (In Russian)
- 26 Iu. Nikolaev [Iu. N. Govorukha-Otrok]. Zhizn' i teoretiki [Life and theorists]. *Moskovskie vedomosti*, 1893, April 29, p. 3. (In Russian)
- 27 <Pertsov P.> "Novyi put'" ["New way"]. *Novyi put'*, 1903, no 1, pp. 5–7. (In Russian)
- 28 Pertsov P. P. *Literaturnye vospominaniia. 1890–1902 gg.* [Literary memories. 1890–1902], introductory article, drafting, preparation of text and comments by A. V. Lavrova. Moscow, NLO Publ., 2002. 496 p. (In Russian)

- 29 Peterburzhets [Lialin V. S]. Malen'kaia khronika [A little chronicle of the time]. *Novoe vremia*, 1892, no 6029, December 9, p. 8. (In Russian)
- 30 Petrova M. G. Letopis' literaturnykh sobytii 1892–1900 gg. [Chronicle of literary events of 1892–1900]. *Russkaia literatura kontsa XIX – nachala XX v.: Devianostye gody* [Russian literature of the late 19th — early 20th century: Nineties]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 261–478. (In Russian)
- 31 Polonskii V. V. Problema postroeniia istorii russkoi literatury rubezha XIX–XX stoletii [The issue of building the history of Russian literature at the turn of 20th century]. *Razryv i sviaz' vremen: Problemy izuchenii literatury rubezha XIX–XX vekov* [Rupture and connection of times: Issues of studying literature at the turn of 20th century]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017, pp. 54–63. (In Russian)
- 32 *Russkaia literatura XX veka (1890–1910)* [Russian literature of 20th century (1890–1910)], under the editorship of Professor S. A. Vengerova. V 2 book. Moscow, Izdatel'skii dom “XXI vek — Soglasie” Publ., 2000. Book I. 512 p. (In Russian)
- 33 *Severnye tsvety na 1901 god* [Northern flowers for 1901]. Moscow, Skorpion Publ., 1901. 202 p. (In Russian)
- 34 *Severnye tsvety na 1902 god* [Northern flowers for 1902]. Moscow, Skorpion, 1902. 252 p. (In Russian)
- 35 Rozanov V. V. Kritik russkogo décadanc'e (1909) [Critic of the Russian décadanc'e (1909)]. *Mezhdru klassikami i sovremennikami: Stat'i o literature* [Between classics and contemporaries: Articles on literature], compilation, preparation of text and comments by V. G. Sukacha. *Voprosy literatury*, 1993, no 2, pp. 171–226. (In Russian)
- 36 Trotskii L. Sud'ba tolstogo zhurnala [Fate of the thick magazine]. *Literatura i revoliutsiia* [Literature and revolution]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 400 p. (In Russian)
- 37 *A. A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie. Literaturnoe nasledstvo* [A. A. Fet and his literary environment. Literary legacy]. Moscow, IWL RAS Publ., 2011. Vol. 103. Book 2. 1039 p. (In Russian)
- 38 Khoruzhii S. S. “Uliss” v russkom zerkale [“Ulysses” in the Russian mirror]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2015. 380 p. (In Russian)
- 39 Chukovskaia L. K. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi* [Notes about Anna Akhmatova]. Moscow, Soglasie Publ., 1997. Vol. 1. 1938–1941. 542 p. (In Russian)
- 40 Shrubina M. *Literaturnye ob"edineniia Moskvyy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'* [Literary associations of Moscow and St. Petersburg 1890–1917: Dictionary]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 448 p. (In Slovenian)
- 41 Klüger R.-D. Symbolismus und avangarde in der russische literatur. *Obdobje simbolisma v slovenskem jeziku, kujizevnosti in kulturi (tipološka problematika ob jugoslovanskem in širšem evropskem kontekstu). Prvi del Mednarodni simpozij v Ljubljani od 1. Do 4.julija 1982* [Symbolismus und avangarde in der russische Literature / period simbolisma in Slovenian, kujizevism and culture (typical issues in the Yugoslav and wider European context). Part one of the International Symposium in Ljubljana since 1. To 4. July 1982]. Ljubljana, b.i., 1982, pp. 229–238. (In Slovenian)